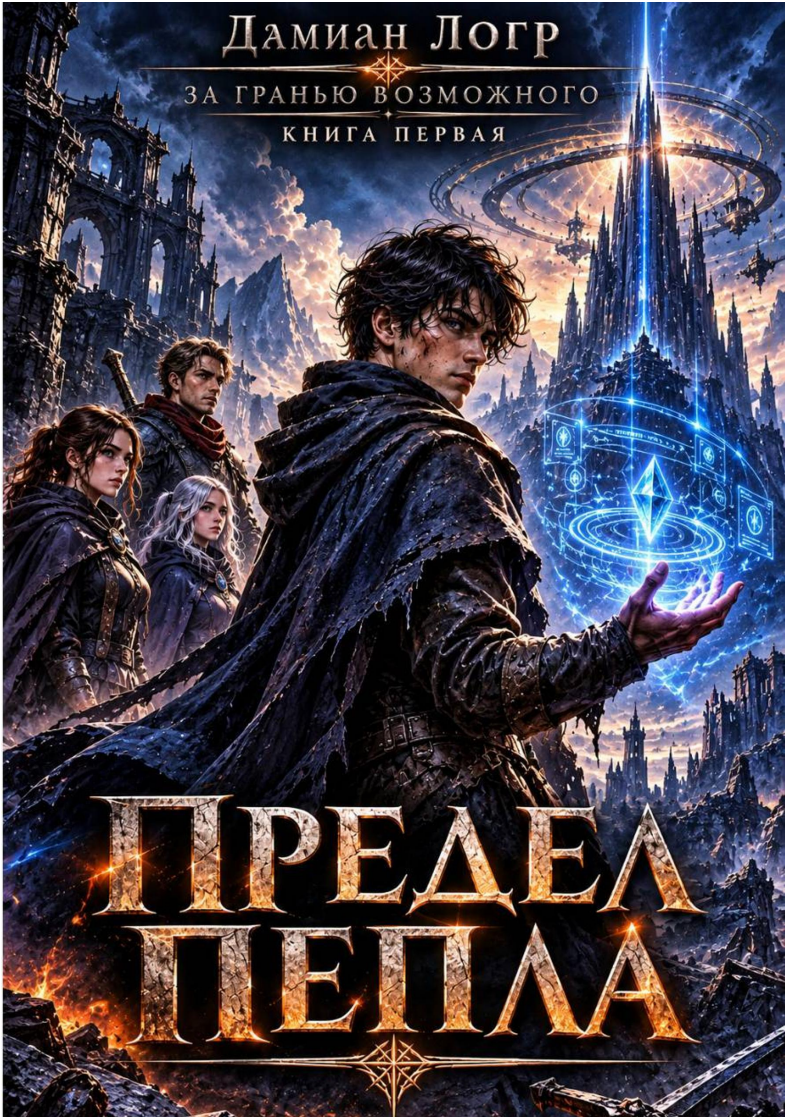

Дамиан Логр
ЗА ГРАНЬЮ ВОЗМОЖНОГО
КНИГА ПЕРВАЯ
ПРЕДЕЛ ПЕПЛА

Дамиан Логр

Предел пепла

https://litres.ru/74756228
SelfPub; 2026

Аннотация

История о пределе, который кажется вечным, о цене выбора и о человеке, которому пришлось потерять почти всё, прежде чем он получил право расти.

Содержание

О книге 5
Содержание 6
Часть I. Одно кольцо 8
Глава 1. Уроки слабости 21
Глава 2. Дом у старого леса 26
Глава 3. Чёрный дождь 37
Глава 4. Дорога без карты 47
Часть II. Город чужих возможностей 61
Глава 6. Старый клинок 75
Конец ознакомительного фрагмента. 83

Дамиан Логр
Предел пепла

ЗА ГРАНЬЮ ВОЗМОЖНОГО

Предел пепла

КНИГА ПЕРВАЯ

Эпическое фэнтези

О книге

История о человеке, которому мир назначил предел, о цене дружбы и выбора и о силе, которая начинается не с победы, а с возможности сделать следующий шаг.

Содержание

Часть I. Одно кольцо
Пролог. Одно кольцо
Глава 1. Уроки слабости
Глава 2. Дом у старого леса
Глава 3. Чёрный дождь
Глава 4. Дорога без карты
Часть II. Город чужих возможностей
Глава 5. Город чужих возможностей
Глава 6. Старый клинок
Глава 7. То, чему не учит кристалл
Глава 8. Палата Предела
Глава 9. Человек, который помнил
Часть III. Последний Очаг
Глава 10. Приют последних
Глава 11. Небольшая жизнь
Глава 12. Первая песня камня
Глава 13. Цена осторожности
Глава 14. Серебряные знамёна
Глава 15. Когда падают стены
Глава 16. Последняя просьба
Часть IV. Лестница возрождена
Глава 17. Трещина в законе
Глава 18. После пепла

Глава 19. Имя для нового пути
Эпилог. Лестница возрождена

Часть I. Одно кольцо

Пролог. Одно кольцо

До Испытания Каэль думал, что отец умеет делать всё.

Гарен мог починить скрипучую дверь, поставить новую ножку стола, вырезать из обрезка дерева птицу и заставить старую печь разгореться даже в сырой день. Он не умел только одного: объяснить, почему мать Каэля не вернётся. Мальчик почти не помнил её лица. В доме сохранился маленький портрет, но краска на нём потемнела, а уголок холста был обожжён. Отец никогда не убирал его далеко и никогда не рассказывал о женщине на картине без долгой паузы.

В пять лет Каэль однажды спросил, почему у него нет мамы, как у других детей. Гарен тогда строгал доску для новой полки. Нож застыл в его руке.

— Она умерла, когда ты был совсем маленьким.

— Из-за меня?

Отец отложил нож и присел перед ним так, чтобы их глаза оказались на одном уровне.

— Нет. Даже не думай так. Болезнь была сильнее лекарств, сильнее меня и сильнее всех магов, которых я смог найти. Ты не виноват в том, что остался жить.

Каэль запомнил не слова, а то, как крепко отец обнял его после. Гарен пах опилками, дымом и мятой, которой смазывал ладони после работы. Этот запах сделался для мальчика

доказательством, что мир ещё держится.

В тот год Каэль часто приходил в мастерскую. Он сидел на перевёрнутом ящике и смотрел, как отец работает. Гарен учил его отличать древесину по звуку: дуб отзывался глухо, ясень — сухо, сосна — звонко. Мальчик пытался повторять, но всё время путал породы.

— А если я не смогу научиться? — спросил он однажды.

— Тогда будешь делать ошибки, пока не научишься.

— А если никогда?

Гарен улыбнулся.

— Значит, найдёшь то, чему сможешь научиться.

В мастерской висела старая деревянная табличка с вырезанным кругом, разделённым тонкой трещиной. Каэль знал её как знак отцовского ремесла. На самом деле Гарен привёз табличку из другого края королевства, но мальчик ещё не мог знать, что мастерская отца была лишь тонкой занавесью перед жизнью, от которой тот пытался спрятаться.

Вечерами они ходили к ручью. Гарен брал с собой хлеб, а Каэль — самодельную лодку из коры. Они пускали её по воде и спорили, какая первой доберётся до поваленного дерева. Отец никогда не позволял сыну выигрывать нарочно.

— Если хочешь победить, научись видеть течение, — говорил он. — Лодка не спорит с водой. Она использует её.

— А если течение слишком сильное?

— Тогда ищут берег. Сила не всегда в том, чтобы идти прямо.

В день, когда Каэль впервые услышал о семилетнем Испытании, он принёс домой рисунок: на листе было восемь кривых колец, а внутри — маленький мальчик с мечом. Гарен долго смотрел на него.

— Красиво, — сказал он.

— Я буду таким. С восемью кольцами.

— А если нет?

— Тогда хотя бы пять.

— А если будет одно?

Каэль нахмурился. Он не любил, когда отец задавал вопросы, на которые не хотелось отвечать.

— Тогда кристалл ошибётся.

Гарен сложил рисунок и положил его на полку.

— Запомни, сын. Тебя нельзя измерить камнем. Но люди часто верят измерениям больше, чем собственным глазам.

Мальчик не понял. Через два года он вспомнит эти слова, когда вокруг него засмеются взрослые, и впервые заметит, что отец тоже умеет бояться.

В королевстве Эллар дети боялись не темноты и не зубастых тварей за городской стеной. Они боялись семилетия.

В этот день каждого ребёнка приводили на площадь, ставили перед Испытательным кристаллом и просили положить ладонь на холодную поверхность. Кристалл отвечал светом. Внутри него вспыхивали кольца — одно за другим, ровно и беззвучно. Взрослые называли их мерой дара, старейшины

— милостью мира, а учёные Палаты Предела — объективным выражением врождённой ёмкости души.

Восемь колец сулили место среди будущих магистров. Семь открывали двери королевской академии. Пять обещали достойную службу, три — ремесло, в котором можно было прокормить семью. Два кольца означали тяжёлую работу и уважение лишь в том случае, если человек умел держать слово.

Одно кольцо было почти приговором.

Так говорили люди. И чаще всего — те, у кого колец было много.

Каэль Гаренович стоял в очереди, сжимая отцовскую ладонь. Его рубашка была выстирана до мягкости, воротник аккуратно зашит, а волосы торчали в разные стороны после того, как отец попытался пригладить их мокрой рукой. На площади пахло печёными яблоками, мокрой шерстью и волнением. Родители шептали детям ободряющие слова. Мальчик впереди Каэля без конца повторял, что почувствует восемь колец, как только коснётся кристалла.

— Не обязательно быть первым, — тихо сказал Гарен. — Просто будь собой.

— А если у меня будет мало?

— Тогда у тебя будет мало колец. Но не меньше причин жить.

Каэль не понял, почему отец сказал это так серьёзно. Он лишь крепче сжал его пальцы.

Когда объявили имя, старейшина поднял руку. На площади стало тихо. Каэль шагнул к пьедесталу, чувствуя, как подошвы прилипают к камню после утреннего дождя.

Кристалл оказался холоднее, чем он ожидал. Мальчик положил ладонь и закрыл глаза. Ему казалось, что внутри камня должен появиться огонь, а затем — множество ярких кругов, как на праздничной иллюминации.

Сначала не произошло ничего.

Потом в глубине кристалла вспыхнула тонкая белая окружность. Она дрогнула и застыла.

Одна.

Старейшина наклонился, будто хотел разглядеть скрытый знак. Прошло несколько долгих секунд. Второе кольцо не появилось.

— Предел — один, — произнёс он наконец.

Тишина длилась всего миг. Затем кто-то кашлянул, кто-то неловко отвернулся, а мальчик по имени Лорен Вейл прыснул со смеху. Его отец шикнул на него, но улыбку не спрятал.

— Даже у конюха три, — прошептал кто-то.

— Может, кристалл неисправен?

— Нет. Посмотрите, он светится.

Каэль смотрел на единственное кольцо и ждал. Он не знал, чего именно, но ему казалось: если не отводить глаз, должно случиться что-то ещё. Камень мигнул и погас.

Старейшина вернул мальчику руку так осторожно, словно тот был больным зверьком.

— Следующий.

Гарен поднял сына на руки и повернулся к выходу. Кто-то окликнул его, выражая сочувствие слишком громким голосом. Отец не остановился.

— Папа, это плохо?

— Это число, — ответил Гарен. — Числа не умеют быть добрыми или злыми.

— Они смеялись.

— Люди иногда смеются, когда им страшно признать, что они ничего не понимают.

В тот день Каэль ещё верил, что отец может объяснить любую несправедливость. Он не знал, что прозвище «одно-кольцевый» переживёт его детство, что двери будут закрываться перед ним раньше, чем он успеет постучать, и что однажды он будет вспоминать эту площадь не как начало унижения, а как последний день, когда его будущее казалось простым.

Ему было семь лет. Впереди лежала целая жизнь.

И мир уже решил, сколько в ней ему позволено.

На следующий день после Испытания Каэль не пошёл играть к реке.

Он сидел на ступеньке у дома и наблюдал, как по улице проходят дети. Те, кто получил четыре и пять колец, уже ходили с родителями в лавки, где продавали учебные амулеты и тренировочные посохи. Мальчик с двумя кольцами нёс на плече деревянный щит — отец обещал отдать его в учени-

чество к городскому стражнику. Лорен Вейл проехал мимо на пони и громко объявил друзьям, что скоро станет магом королевской гвардии.

Каэль опустил голову. Он не хотел смотреть на них, но и уйти в дом не мог. Там отец делал вид, что всё как прежде, а от этого становилось ещё больнее.

К полудню Гарен вернулся из деревни с мешком муки и двумя яблоками. Он поставил покупки на стол, вымыл руки и только потом спросил:

— Пойдёшь со мной на рынок?

— Не хочу.

— Хорошо. Тогда я принесу тебе сладкую лепёшку.

— Не надо.

Отец не стал спорить. Он только положил ладонь сыну на плечо. Каэль стряхнул её резче, чем хотел.

— Ты думаешь, что всё неважно, потому что у тебя нет одного кольца? — спросил мальчик. — Все теперь будут знать, что я хуже.

— Я думаю, что они будут говорить то, что привыкли говорить. И думаю, что ты не обязан делать их слова правдой.

— Но кристалл не ошибся!

Гарен присел рядом.

— Возможно, он показал то, что умеет показывать. Но он не показал, как ты будешь держать слово, когда станет трудно. Не показал, станешь ли ты защищать слабого. Не показал, умеешь ли ты слушать. Не показал, каким другом бу-

дешь.

— Это не даёт мне силы.

— Нет. Но это даёт тебе право не быть похожим на тех, кто смеётся.

После обеда к дому пришёл мастер Вольт, учитель местной школы. Он долго стоял на пороге, теребя ремешок сумки.

— Гарен, я хотел поговорить о Каэле.

— Проходи.

— Ты знаешь правила школы. Ученики с пределом ниже двух колец не могут продолжать общий курс. Для них предусмотрены ремесленные занятия.

— Он уже учился у тебя два года.

— Я знаю. И не собираюсь делать вид, будто он не старался. Но теперь родители других детей жалуются. Они не хотят, чтобы их сыновья занимались с тем, кто не сможет участвовать в магических испытаниях.

Каэль стоял за дверью и слышал каждое слово.

Гарен не повысил голоса.

— Ты говоришь о безопасности или о репутации?

Вольт покраснел.

— Я пытаюсь сохранить школу.

— Тогда сохрани в ней хотя бы честность. Мой сын не заразен.

— Не делай из меня врага.

— Я не делаю. Я прошу тебя не становиться им.

Вольт ушёл, не приняв чая. Вечером Каэль нашёл на столе новую тетрадь, несколько карандашей и тонкую книгу об основах магии.

— Зачем? — спросил он.

— Чтобы продолжал учиться.

— Меня выгнали.

— Тебя не позвали. Это не одно и то же.

— И кто меня будет учить?

— Я.

Каэль раскрыл книгу. Большинство страниц были испещрены формулами, которые он едва понимал. Внизу первой страницы отец написал: «Любопытство не имеет предела».

Мальчик провёл пальцем по буквам и впервые за два дня почувствовал не только стыд, но и злость. Он не знал, куда её направить. Поэтому направил на книгу и начал читать.

Через неделю после разговора с Вольтом в Вереске устроили ярмарку ремесленников. На площади поставили столы с керамикой, инструментами, тканями и простыми магическими безделушками. Для учеников школы провели состязание: кто быстрее разобьёт учебную мишень, не повредив стойку. Победителю обещали место в летней группе городской академии.

Каэль пришёл туда вместе с отцом. Гарен хотел купить гвозди и продать пару деревянных шкатулок, а сын настоял, что ему всё равно хочется посмотреть.

Мира стояла у шатра лекаря, помогая раскладывать травы. Она заметила Каэля и помахала рукой. Её отец, сухощавый мужчина с усталыми глазами, кивнул Гарену.

— Давно не виделись, — сказал он.

— Работы много, — ответил Гарен.

— У всех много. Только у некоторых детей теперь будет ещё больше. Мира показала четыре точных лечебных импульса на экзамене. Учитель из Кайра обещал рассмотреть её кандидатуру.

Мира смутилась.

— Папа, не надо.

— Почему? Это хорошая новость.

Каэль улыбнулся ей, но внутри почувствовал знакомое сжатие. Мира заслужила шанс. Он это знал. И всё же каждый чужой успех напоминал ему о том, чего у него никогда не будет.

Торен помогал отцу у кузнечного стола. Он раскладывал небольшие ножи и крючья, но постоянно поглядывал на состязание. У него было два кольца — недостаточно, чтобы прославиться как маг, но достаточно для укрепления тела и работы с жаром. Кузнец считал сына крепким мастером, хотя Торен мечтал не о мастерской.

— Ты опять смотришь на арену, — сказал Каэль.

— Я смотрю, как они неправильно держат молоты. Если бы мне дали такую мишень, я бы разнёс её с первой попытки.

— Там нужна магия.

— Значит, я бы разнёс её молотом.

— Это запрещено.

— Вот поэтому я и не участвую.

Когда состязание началось, первым вышел Лорен. Он поднял руку, собрал ману в ладони и выпустил узкий поток ветра. Мишень раскололась ровно по центру. Стойка даже не качнулась. Толпа зааплодировала.

Следующие участники справились хуже. Один сжёг край стойки, другой разбил мишень вместе с креплением. Затем Лорен получил право на второй выстрел — дополнительное испытание для лучших.

В этот момент из-за шатра выскочил маленький мальчик и побежал к площадке. Он хотел подобрать деревянный жетон, укатившийся под стойку. Никто не заметил его, кроме Каэля.

— Стой! — закричал он.

Лорен уже направил ладонь. Поток сорвался с пальцев.

Каэль бросился вперёд и вытолкнул ребёнка из-под удара. Магия задела его плечо, обожгла ткань и сбила с ног. Мальчик заплакал, но остался цел.

— Ты идиот? — крикнул Лорен. — Я контролировал заклинание!

— Он мог попасть под него.

— Мог, но не попал.

— Потому что я его оттолкнул.

Толпа загудела. Кто-то похвалил Каэля, но несколько голосов тут же напомнили, что он испортил состязание. Лорен

потребовал продолжить испытание, а распорядитель приказал Каэлю отойти от площадки.

Гарен осмотрел ожог на плече сына. Его пальцы дрожали сильнее, чем голос.

— Больно?

— Терпимо.

— В следующий раз сначала подумай, можно ли позвать взрослого.

— Не успел.

Отец кивнул. Потом посмотрел на мальчика, которого Каэль спас. Мать ребёнка благодарила всех подряд и ни разу не взглянула на того, кто его спас.

— Ты сделал правильное дело, — тихо сказал Гарен. — Но мир не всегда награждает за правильные поступки. Иногда он даже не замечает их.

Каэль смотрел, как Лорен принимает поздравления. Его плечо горело, а внутри росло странное чувство: он не жалел, что бросился к ребёнку, но впервые понял, что справедливость и признание — разные вещи.

Позже Мира принесла ему мазь. Торен подарил маленькую металлическую пластину, которую выковал из обрезка.

— На удачу, — сказал он. — Только не говори, что я суеверный.

— А если не поможет?

— Тогда будем считать, что это просто железка.

Каэль спрятал пластину в карман. В тот вечер он не стал

думать о Лорене. Он думал о том, что рядом есть люди, которым не нужно объяснять, почему он поступил именно так.

Глава 1. Уроки слабости

К шестнадцати годам Каэль научился угадывать чужое отношение по тому, как люди произносили его имя. Если говорили просто «Каэль», значит, им что-то было нужно. Если добавляли «однокольцевый», хотели напомнить ему место. Если не называли вовсе, значит, не считали достойным даже насмешки.

Тренировочный двор при городской школе был вымощен серым камнем. По краям стояли стойки с деревянными мечами, щитами и учебными копьями. В центре ученики отрабатывали связки под надзором мастера Вольта. Над каждым упражнением дрожали крошечные магические знаки: они отмечали точность удара и силу потока.

Каэль стоял напротив Лорена Вейла. За девять лет тот вытянулся, обзавёлся широкими плечами и привычкой улыбаться так, будто любая победа уже принадлежала ему. Пять колец позволяли Лорену укреплять мышцы маной и разгонять тело быстрее, чем успевал моргнуть человек без такой поддержки.

— Готов, однокольцевый?

— Начинай.

Лорен не стал тратить время на обманный выпад. Он просто шагнул вперёд. Каэль поднял меч, встретил первый удар и почувствовал, как по рукам разливается боль. Второй удар

выбил оружие из пальцев. Третий пришёлся в живот. Воздух вылетел из лёгких, камни ударили по коленям.

— Снова? — спросил Лорен, оглядывая зрителей. — Он ведь сам просит.

Каэль поднялся. В боку пульсировала тупая боль. На зубах скрипнула пыль.

— Ещё раз.

— Ты упорный. Жаль, что это единственное, что у тебя есть.

Мастер Вольт уже открыл рот, чтобы остановить их, но Каэль снова поднял деревянный меч. Он не хотел давать Лорену удовольствие увидеть, как он сдаётся.

Следующая попытка закончилась быстрее предыдущей.

После занятия Каэль остался у стены и стал собирать оружие. Уроки он посещал по милости старого наставника: официально школа не брала учеников с пределом ниже двух колец, но Гарен когда-то помог Вольту пережить зимнюю лихорадку, и тот не решился прогнать его сына. Другие преподаватели называли это благотворительностью.

— Тебе не надо было соглашаться на поединок, — сказала Мира, подойдя с корзиной перевязочных лент.

Она была на год младше Каэля, дочерью деревенского лекаря и обладательницей трёх колец. Её светлые волосы обычно были собраны в тугой узел, но сегодня несколько прядей выбились и прилипли к вискам.

— Если отказываться каждый раз, когда Лорен зовёт меня

трусом, он решит, что прав.

— А если соглашаться, он решит, что прав, когда тебя бьёт.

— Утешила.

Мира протянула ему чистую ткань. Она не жалела его и не говорила, что всё будет хорошо. За это Каэль ценил её больше, чем людей, которые из вежливости обещали ему невозможное.

К ним присоединился Торен, сын кузнеца. Два кольца делали его не сильным, а лишь достаточно заметным, чтобы его принимали в мастерские. Он был широкоплеч, шумен и постоянно пах железной стружкой.

— Лорен опять? — спросил он.

— У него постоянство достойно восхищения.

Торен хмыкнул и поднял с пола меч.

— Когда-нибудь я выкую тебе настоящий. Такой, чтобы этот павлин подавился перьями.

— Настоящий меч не изменит мой предел.

— Зато может изменить выражение его лица.

Мира закатила глаза, но уголки губ дрогнули.

Вечером Каэль возвращался домой пешком. На улицах зажигались фонари, в окнах мелькали силуэты семей за ужином. У ворот лавки аптекаря он услышал, как две женщины обсуждают его отца.

— Гарен зря тратится на мальчишку. Всё равно ничего не выйдет.

— Он слишком его балует. Надо было с самого начала отдать в ученики к каменщикам.

Каэль ускорил шаг. Дома его ждал запах тушёного лука и старых досок, нагретых печью. Гарен чинил табурет у окна. На виске у него серебрилась прядь, которой ещё прошлой зимой не было.

— Опять тренировка? — спросил он, заметив синяк.

— Обычная.

— Значит, неприятная.

Отец поставил на стол две миски. Они ели молча, пока за окном ветер не ударил ставней.

— Я могу перестать ходить в школу, — сказал Каэль. — Устроюсь к Торену. Буду работать в кузнице.

Гарен отложил ложку.

— Ты хочешь стать кузнецом?

— Я хочу перестать быть поводом для твоих насмешек.

— Тогда не отдавай людям право решать, кем тебе быть.

— Легко говорить, когда ты не стоишь на площади под взглядами всех остальных.

Отец не ответил сразу. Он посмотрел на свои ладони: широкие, в старых шрамах, с тонкой полосой ожога у большого пальца.

— Я знаю, каково это — потерять место среди людей, — сказал он. — И знаю, как легко решить, будто это твоя вина. Но запомни: ты не обязан оправдывать своё существование чужими ожиданиями.

— А если я так и останусь слабым?

— Тогда научишься жить с тем, что можешь. И не позволишь этому стать единственным, что о тебе известно.

Позже, уже лёжа в постели, Каэль слышал, как отец ходит по дому. Скрипели доски, звякнул задвигаемый засов, потом на кухне долго шуршала бумага. Гарен часто не спал по ночам. Он думал, что сын не замечает, как иногда из-под половиц достают плоскую коробку, но Каэль замечал. Просто не спрашивал.

Наутро он снова пошёл в школу. Не потому, что верил в победу. Просто пока ещё не придумал, как жить иначе.

Глава 2. Дом у старого леса

Дом Гарена стоял на окраине Вереска, там, где ухоженные огороды уступали место низким соснам и влажному кустарнику. Он был маленьким даже по меркам деревни: две комнаты, тесная кухня, чердак с покосившейся лестницей и сарай, где отец держал инструменты. Крыша протекала в двух местах, печная труба коптила, а забор всякую весну приходилось чинить заново.

Для Каэля это было лучше любого дворца. Он знал, какая половица скрипит у входа, где в стене прячется гнездо мышей, сколько шагов от кровати до окна и как пахнет дом после дождя. Здесь никто не спрашивал, сколько у него колец. Здесь его имя произносили без усмешки.

В тот вечер Гарен попросил помочь разобрать старый сундук. Внутри лежали вещи, которые Каэль видел редко: потемневшая карта северных дорог, обломок серебряного наплечника, несколько писем без печатей и деревянная фигурка птицы с одним сломанным крылом.

— Ты был солдатом? — спросил Каэль, беря наплечник.

— Был человеком, который однажды носил броню.

— Это не ответ.

— Иногда ответ приходит не тогда, когда его спрашивают.

Гарен забрал наплечник и завернул в ткань. На внутренней стороне металла был выжжен знак — круг, расколотый

вертикальной чертой.

— Я видел такой знак на печатях Палаты, — сказал Каэль.

Отец слишком резко поднял голову.

— Где?

— На документах городских магистров.

— Не путай рисунки. И не спрашивай о нём у чужих людей.

— Почему?

— Потому что некоторые знаки притягивают неприятности.

Каэль хотел возразить, но увидел, как побледнел отец, и промолчал.

Позднее они сидели у печи. Гарен читал старую книгу, а Каэль упражнялся с коротким клинком. Каждые десять ударов он делал паузу, чтобы поправить хват. Всё, чему он научился, было собрано из чужих советов, наблюдений и собственных ошибок.

— Не торопись, — сказал Гарен, не поднимая глаз. — Сила не в том, чтобы ударить быстрее всех. Сила в том, чтобы понимать, зачем ты поднимаешь оружие.

— А если противник не даёт времени подумать?

— Тогда думай заранее.

Они тренировались до позднего часа. Перед сном Гарен положил руку сыну на плечо.

— Завтра, если погода позволит, сходим к реке. Давно не проводили день вместе.

— Мне нужно помочь Торену с углём.

— Уголь подождёт.

Каэль улыбнулся. Он хотел сказать, что давно не был ребёнком и что у него есть дела поважнее прогулки, но не стал. Впервые за несколько недель ему хотелось провести день именно так.

Ночью его разбудил запах мокрой золы.

Каэль открыл глаза. В комнате было темно, но из-под двери пробивалась тонкая полоска света. Он услышал шаги отца, затем тихий щелчок замка. За окном не гремел гром. Дождь шёл беззвучно, и капли на стекле были не прозрачными, а почти чёрными.

Гарен вошёл, держа в руках небольшой свёрток.

— Одевайся.

— Что случилось?

— Быстро.

Впервые в жизни Каэль увидел, как отец боится не за то, что может случиться, а за то, что уже происходит.

Дом Гарена был беднее соседских, но в нём всегда находилось место для гостя. Даже зимой, когда дрова приходилось считать, отец не отказывал путнику в горячей воде. Каэль иногда сердился: хлеба и без того не хватало, а Гарен отдавал чужакам то, что могло достаться им двоим. Однажды мальчик спросил, зачем отец так делает.

— Потому что однажды кто-то сделал это для меня, —

ответил Гарен.

— Кто?

— Человек, которого я не успел поблагодарить.

Каэль решил, что речь о старом знакомом, но отец больше ничего не добавил.

В дни после Испытания дом словно стал меньше. Гарен старался не менять привычек: вставал до рассвета, разводил огонь, проверял инструменты, готовил кашу. Он просил сына помогать в мастерской, но не заставлял. Иногда они работали молча, иногда спорили о том, как лучше подогнать дверную петлю. И всякий раз, когда Каэль ошибался, Гарен не говорил «ты не умеешь», а спрашивал: «Что заметил?»

Однажды Каэль слишком сильно ударил молотком по заготовке и расколол тонкую рейку.

— Я испортил её.

— Да.

— Ты даже не скажешь, что можно исправить?

— Можно. Но сначала признай, что испортил. Если делать вид, что трещины нет, она станет шире.

Отец показал, как укрепить дерево клином. Каэль слушал, но думал о собственной жизни: неужели его тоже можно укрепить клином, если внутри уже появилась трещина?

Вечером Гарен достал из шкафа старую коробку. В ней лежали письма, перевязанные серой нитью, медный жетон и листы с чертежами странных кругов. Каэль заметил, что на одном чертеже были те же линии, что на табличке в мастер-

ской.

— Это твои рисунки? — спросил он.

Гарен быстро закрыл коробку.

— Старые записи.

— Ты был магом?

— Нет. Я работал с людьми, которые считали, что магия должна принадлежать не только тем, кому повезло родиться с большим пределом.

— Почему ты перестал?

— Потому что иногда люди начинают с хорошей идеи, а заканчивают тем, что готовы сжечь целый город ради доказательства своей правоты.

— Ты боялся?

— Да.

Прямой ответ удивил Каэля. Отец редко признавался в страхе. Гарен сел у окна, где отражался огонёк лампы.

— Страх не всегда делает человека трусом. Иногда он напоминает, что цена ошибки будет не только твоей.

— А если из-за страха ты ничего не сделаешь?

— Тогда он становится клеткой.

Каэль хотел спросить ещё, но увидел, как отец сжимает медный жетон. На нём был выбит расколотый круг. Гарен заметил взгляд сына и убрал жетон обратно.

В эту ночь Каэль долго не мог уснуть. Он слышал, как отец ходит по кухне, проверяет засов, возвращается к печи. Дом был тёплым, знакомым, безопасным. Но где-то за его стена-

ми существовала другая жизнь Гарена, и эта жизнь, казалось, медленно приближалась к их порогу.

Через три дня после ярмарки Каэль проснулся от тихого стука в окно мастерской. Он поднялся с кровати и увидел на улице женщину в тёмном платке. Она не смотрела на дом, а держала руку под плащом, будто пыталась скрыть что-то от дождя.

Каэль разбудил отца. Гарен подошёл к окну, увидел незнакомку и побледнел так резко, что мальчик впервые испугался за него.

— Оставайся здесь.

— Кто она?

— Не выходи, Каэль.

Гарен открыл дверь, но женщина уже шагнула под навес.

— Ты слишком долго молчал, — сказала она.

— Я просил не приходить.

— Ты просил меня забыть, что мы сделали. Я пыталась.

— Здесь мой сын.

— Именно поэтому я пришла. Они начали сверять старые списки. Кто-то поднял запись о Вереске.

Гарен посмотрел через плечо. Каэль стоял в дверном проёме, несмотря на приказ.

— Как давно? — спросил отец.

— Две недели. Сначала спросили о жетоне. Потом о ключе. Я не назвала твоего имени, но у них есть другие способы.

— Кто ведёт поиски?

Женщина не ответила сразу.

— Севран.

Имя было произнесено так, будто в комнате стало холоднее.

— Он не должен был узнать, что осколок у тебя, — сказал Гарен.

— Тогда забери его из дома.

— Не могу. Он откликается только на кровь моей семьи.

Женщина впервые посмотрела на Каэля. Её взгляд задержался на его лице, и в нём мелькнуло что-то похожее на жалость.

— Значит, ты всё-таки оставил его здесь, — произнесла она.

Каэль почувствовал, что разговор касается его, но не понимал как.

— Кто вы? — спросил он.

— Человек, который давно должен был исчезнуть, — ответила женщина.

Гарен попросил её уйти. Она оставила на подоконнике сложенный лист и исчезла за углом дома. Отец не поднял письмо, пока не убедился, что улица пуста.

На бумаге не было имени. Только короткая фраза: «Если он проснётся, не позволяй ему увидеть лестницу». Ниже стоял знак — круг, пересечённый тремя тонкими линиями.

— Что значит «проснуться»? — спросил Каэль.

— Это старая метафора.

— Ты снова лжёшь.

Гарен сложил письмо.

— Я пытаюсь оставить тебе возможность жить не зная того, что может тебя убить.

— Но они уже идут за нами?

Отец долго смотрел на него.

— Возможно.

— Тогда я имею право знать.

Гарен хотел возразить, но слова не нашлись. Он провёл ладонью по коротким волосам сына и сказал:

— Сегодня после работы мы поговорим. Обо всём, что я смогу рассказать.

Но вечером в деревне начался чёрный дождь.

За три дня до нападения на Вереск магистр Севран получил доклад в верхней башне Палаты Предела. Комната была почти пустой: стол из белого камня, четыре кресла и окно, выходившее на площадь. Севран не любил украшений. Он считал, что власть должна выражаться в ясности решений, а не в количестве золота на стенах.

Докладчик, молодой писарь с двумя кольцами, стоял так прямо, словно от этого зависела его жизнь.

— След Гарена найден в северном округе. Вереск. С ним может находиться объект, обозначенный в старых записях как «осколок Сердца».

— Подтверждение?

— Совпадает описание старого знака. Кроме того, местный кристалл зафиксировал аномальный всплеск семь лет назад, в день испытания его сына.

Севран перевернул страницу.

— Предел мальчика?

— Один. Самый низкий возможный показатель.

— Это важно?

— Архивариус считает, что может быть связано с наследственной реакцией.

Магистр поднял глаза.

— Архивариус уже однажды назвал случайностью то, что привело к гибели трёх сотен людей. Передайте ему, что я не собираюсь повторять его ошибку.

Когда докладчик ушёл, Севран остался у окна. Внизу дети гоняли деревянный обруч. Один мальчик падал, вставал и снова бежал. Магистр смотрел на него слишком долго.

Три десятилетия назад у него тоже был сын. Тот родился с шестью кольцами, был упрямым, громким и верил, что магия существует для того, чтобы менять мир. Он погиб во время мятежа Первой Печати, когда эксперимент с древним механизмом прорвал защиту под столицей. Севран видел, как его ребёнка накрыло белым огнём. После того дня он перестал верить в благие намерения исследователей.

Он помнил Гарена. Тот был одним из лучших инженеров Ордена — спокойным, внимательным, слишком склонным

задавать вопросы. Гарен пытался остановить эксперимент, но затем исчез вместе с частью чертежей. Севран считал его предателем, хотя в глубине души знал: возможно, именно бегство Гарена спасло остатки механизма от полного уничтожения.

На столе лежала записка от королевского советника: «Задержать носителя ключа. При необходимости устранить свидетелей. Риск для местного населения признать допустимым».

Севран сжёг её над свечой.

Он не собирался убивать ребёнка, если тот не представлял угрозы. Он хотел получить осколок, закрыть старый разлом и навсегда похоронить знания Ордена. В его понимании это было милосердием: лучше один скрытый секрет, чем ещё один город, превращённый в пепел.

Но у Палаты были собственные правила. Совет не принимал осторожность за довод. Он требовал результата и не прощал свидетелей.

Севран вызвал капитана Рейна.

— Соберите отряд. В Вереске может быть ребёнок, связанный с осколком. Его не трогать, пока я не выясню, что он знает.

— А Гарен?

— Живым, если получится.

— Если сопротивляется?

Севран отвернулся к окну.

— Тогда остановить его.

Он не сказал капитану, что слово «остановить» в приказах Палаты часто означало не то, что слышал обычный человек. И не сказал себе, что давно разучился отличать необходимость от мести.

Глава 3. Чёрный дождь

Чёрный дождь падал на Вереск крупными тяжёлыми каплями. На земле он оставлял пятна, похожие на следы сажи, а в лужах отражалось небо без звёзд. В деревне ещё горели огни, но люди не выходили из домов: старики помнили рассказы о подобных ночах и запирали двери на все засовы.

Гарен двигался быстро. Он закрыл ставни, проверил заднюю дверь, а затем поднял половицу возле печи. Из тайника достал свёрток, который Каэль видел мельком лишь однажды. Внутри лежал осколок чёрного стекла, испещрённый серебряными линиями. Он был холоден, но линии медленно меняли направление, словно прислушивались к дыханию комнаты.

— Это принадлежало твоей матери? — спросил Каэль.

— Нет.

— Тогда кому?

— Мне. И теперь тебе.

Гарен вложил свёрток в ладонь сына и сжал его пальцы.

— Слушай внимательно. Через задний двор выйдешь к старой тропе. Иди на север, пока не увидишь раздвоенную сосну. Там сверни к ручью. У старой охотничьей хижины тебя будут ждать Мира и Торен. Я договорился с ними заранее.

— Почему они там?

— Потому что я попросил.

— А ты?

Отец не ответил. В дверь постучали. Три удара, равных и тяжёлых. Звук был слишком спокойным для ночного часа.

— Именем Королевской палаты Предела! Откройте!

Гарен прикрыл глаза. Когда открыл, в них не было растерянности.

— Они нашли меня.

— Кто?

— Те, от кого я слишком долго прятался.

Дверь содрогнулась от удара. С потолка посыпалась пыль.

— Папа, я останусь.

— Нет.

— Я могу помочь!

— Ты можешь выжить. Сейчас это важнее.

Гарен подтолкнул его к задней двери, но Каэль вцепился в рукав.

— Скажи, что происходит!

Отец наклонился и взял его за плечи.

— Когда-нибудь ты поймёшь. Не потому, что я скрывал от тебя правду, а потому, что хотел дать тебе время вырасти без неё. Прости меня.

Дверь треснула. В щель проник серебряный свет.

Гарен поцеловал сына в лоб.

— Живи, Каэль. Не ради мести. Ради того, что ещё можно сделать.

Мальчик выскочил во двор. Он бежал босиком по мокрой

траве, прижимая осколок к груди. У леса обернулся. В окне вспыхнуло багровое пламя, и тени метнулись по стенам.

На пороге стоял человек в серебряном плаще. Высокий, худощавый, с идеально прямой спиной. Его волосы были белыми, хотя лицо казалось не старше сорока. На перчатке блестел знак расколотого круга.

— Где ключ, Гарен? — спросил он.

— Ты всё ещё называешь это ключом, Севран? — ответил отец.

— А ты всё ещё называешь бегство спасением?

— Для мальчика — да.

Магистр поднял руку. Серебряные линии сплелись в геометрический узор. Каэль увидел, как воздух вокруг отца стал плотным и неподвижным. Гарен попытался шагнуть, но невидимая сила прижала его к земле.

— Ты мог отдать осколок, — сказал Севран. — Мог позволить миру остаться целым.

— Мир, в котором судьбу ребёнка решает число на кристалле, уже треснул.

— Ты не понимаешь, что предлагаешь.

— Я понимаю цену. Потому и не отдал.

Севран ударил. Отец упал, но снова поднялся, опираясь на одно колено. В этот миг он посмотрел в сторону леса. Каэль видел только силуэт среди дождя, но узнал улыбку — усталую, тёплую, невозможную в такую ночь.

Гарен беззвучно произнёс: «Живи».

Следующая вспышка поглотила дом.

Каэль побежал дальше. Он бежал, пока не перестал чувствовать ноги. Бежал, пока дерево не ударило плечом и не сбило его с тропы. Бежал, пока чёрный дождь не смешался со слезами.

На рассвете он увидел над Вереском столб серого дыма. От дома остались обугленные балки и развалившаяся печь. Люди стояли поодаль и молчали. Никто не подошёл к нему. Одни боялись, другие не знали, что сказать, третьи смотрели так, будто мальчик принёс беду сам.

Каэль нашёл среди пепла железную застёжку от отцовского плаща. Она была горячей, хотя огонь давно погас.

Он поднял её и впервые понял, что слово «дом» может исчезнуть за одну ночь.

Каэль не помнил, как добрался до леса. Позже он будет восстанавливать ту ночь по отдельным звукам: хруст ветки под ногой, тяжёлое дыхание, далёкий скрип ворот, собственный голос, сорвавшийся на крик. Но тогда всё смешалось в один длинный миг, в котором не было ни времени, ни дороги.

Он остановился у старого дуба, когда ноги перестали слушаться. Оглянулся — над деревней поднимался огонь. Пламя отражалось в низких облаках, и чёрный дождь казался красным. Каэль прижал к груди свёрток, который отец успел вложить ему в руки. Осколок внутри был холодным, но через

ткань мальчик чувствовал тонкую дрожь, будто в нём билось маленькое сердце.

Он хотел вернуться. Каждый шаг в сторону леса казался предательством. Отец остался там, один, а он бежал. Гарен приказал бежать, но разве приказ мог быть важнее того, что происходило за его спиной?

Каэль сделал несколько шагов обратно и услышал, как за деревьями хрустнула ветка.

— Кто здесь?

Ответа не было.

Он поднял с земли толстую палку. Руки дрожали так сильно, что кончик стучал по стволу.

Из темноты вышел человек в серебряном плаще. Не магистр, а молодой солдат с коротким мечом и фонарём на поясе. На его груди поблёскивал знак Палаты.

— Мальчик, — произнёс он. — Стой. Я не причиню тебе вреда.

Каэль попятился.

— Где мой отец?

Солдат на мгновение отвёл взгляд. Это движение было честнее любого ответа.

— Его допрашивают. Пойдём со мной.

— Вы убили наш дом.

— Приказ был найти предмет. Огонь вышел из-под контроля.

— Вы лжёте.

Солдат протянул руку.

— Я понимаю, что ты напуган. Но в лесу опасно. Здесь есть твари, которые приходят на запах крови.

Каэль увидел, как на рукаве солдата темнеет свежая кровь. Возможно, он был ранен. Возможно, участвовал в нападении. Мальчик не знал, что верно, но понял: если пойдёт с ним, то больше не увидит свободы.

Он бросил палку в сторону фонаря и побежал. Солдат выругался, свет погас, и несколько секунд Каэль слышал за собой шаги. Он споткнулся о корень, упал в мокрую листву и потерял воздух. Когда поднялся, преследователя уже не было видно.

Вместо него впереди блеснули глаза.

Из кустов вышел болотный шакал — худой, с длинной мордой и костяными наростами вдоль спины. Он был небольшим, но в его пасти виднелись зубы, которыми можно было раздробить кость. Каэль попятился. Отец учил его не поворачиваться к зверю спиной, но сейчас все уроки исчезли из памяти.

Шакал прыгнул.

Каэль поднял руку. В ладони загорелась единственная искра маны — бледная, почти невидимая. Он хотел выстрелить пламенем, но мог лишь удерживать свет. Зверь ударил его в плечо и сбил на землю. Мальчик закрыл лицо локтем, почувствовал, как зубы скользнули по рукаву, и в отчаянии ударил осколком.

Тёмное стекло коснулось костяного нароста. Шакал взвизгнул и отскочил, будто его обожгли раскалённым железом. В кустах что-то шевельнулось, и зверь убежал.

Каэль сел, тяжело дыша. На ладони осталась узкая царапина. На осколке появилась тонкая серебряная линия, которой раньше не было.

Он хотел позвать отца, но понял, что голос не выйдет.

До рассвета он прятался под вывороченными корнями. Дождь постепенно прекратился. Вместе с ним ушёл и запах дыма, но пепел всё ещё чувствовался на языке.

Мира нашла Каэля на рассвете. Она шла осторожно, держа в руке короткий охотничий нож. За ней двигался Торен с дорожным мешком и перевязанным запястьем.

— Не подходите, — хрипло сказал Каэль.

Мира остановилась.

— Это я.

— Я знаю.

— Тогда почему говоришь так, будто мы враги?

Он попытался подняться, но ноги подогнулись. Торен бросился вперёд и подхватил его за плечи.

— Держись, дурак. Мы всю ночь тебя искали.

Каэль увидел, что на лице Торена ссадина, а ворот его рубахи разорван. На ремне висел старый кинжал, который обычно лежал в кузнице.

— Вы были в деревне?

— Успели добраться до хижины до того, как дорогу перекрыли, — ответила Мира. — Мы слышали взрыв. Потом видели солдат. Гарена не нашли.

Каэль закрыл глаза.

— Его убили.

Мира не стала говорить, что всё может быть иначе. Она только положила ладонь ему на лоб и проверила, нет ли жара.

— Тебе нужно сесть. У тебя порез на плече.

— Это не важно.

— Для меня важно.

Внутри хижины пахло мышами, старой соломой и прелой древесиной. Торен разжёг маленький огонь, а Мира промыла рану водой из фляги. Каэль сидел, вцепившись в край стола. Когда она коснулась обожжённой кожи, он дёрнулся.

— Потерпи.

— Я должен был остаться.

— Ты должен был выжить, — ответила Мира.

— Отец остался один.

— Он приказал тебе бежать.

— А если бы я вернулся?

Торен резко повернулся от огня.

— Тогда нас бы сейчас было на одного меньше. Может, на троих. Ты думаешь, Гарен хотел, чтобы ты бросился на людей Палаты с деревянной палкой?

— Я мог хотя бы попробовать.

— Ты попробовал. Я видел следы. А теперь дай Мире за-

кончить перевязку.

Каэль замолчал. Он ненавидел, когда друзья говорили разумные вещи, потому что от этого его собственная боль казалась бессмысленной.

Когда Мира закончила, Торен разложил на столе припасы: два хлебца, сушёное мясо, кусок сыра, кремень, верёвку и карту тракта.

— Гарен велел нам идти в Кайр, — сказал Каэль.

— Значит, пойдём туда, — ответил Торен.

— Вы не знаете, что там.

— Знаем, что здесь нас будут искать.

Мира достала из кармана небольшой листок. Это была записка её отца, написанная торопливым почерком: «Если Каэль придёт, помоги ему. Его отец однажды спас нашу семью. Долг не отменяется тем, что взрослые поссорились».

— Ты знала? — спросил Каэль.

— Отец не рассказывал подробностей. Но он говорил, что Гарен помог ему, когда у Миры была тяжёлая лихорадка. Он раздобыл редкое лекарство и не взял денег.

— Он никогда не говорил.

— Он не любил рассказывать о добрых поступках. Считал, что они портятся, если ждать благодарности.

Каэль посмотрел на друзей. Они не пытались заменить отца, не обещали победить Палату и не говорили, что всё будет хорошо. Они просто пришли за ним.

Перед уходом Торен задержался у двери.

— Я знаю, что сейчас ты думаешь, будто обязан идти один. Не смей.

— Я не хочу, чтобы вы пострадали.

— Мы сами решаем, где нам быть. Ты не можешь отнять у нас этот выбор из-за собственного страха.

Мира молча протянула Каэлю его плащ. Под воротником он заметил маленькую деревянную щепку, которую отец когда-то вырезал в форме птицы. Он носил её как талисман и забыл о ней в суматохе.

Трое вышли на тракт, когда солнце только поднялось над деревьями. Вереск остался за спиной, но дым всё ещё висел над горизонтом.

Глава 4. Дорога без карты

Миру и Торена Каэль нашёл у заброшенной охотничьей хижины. Они сидели на перевёрнутом бревне, рядом лежали два дорожных мешка и небольшой свёрток с едой. Торен поднялся первым, но остановился, едва увидел лицо друга.

— Где Гарен? — спросила Мира.

Каэль посмотрел на неё, потом на мешки.

— Его больше нет.

Торен опустил голову. Мира медленно подошла и обняла Каэля. Он стоял неподвижно. Ему казалось, что если он пошевелится, то рассыплется на куски, как обгоревшая стена дома.

— Мы можем вернуться, — сказал Торен, хотя голос у него дрогнул. — Может, там кто-нибудь видел...

— Нет, — ответил Каэль.

— Тогда куда?

— Отец сказал идти в Кайр.

Мира кивнула. Она не стала задавать вопросы при Торене. Позже, когда друг отправился проверить тропу, она села рядом с Каэлем.

— Ты плакал?

— Нет.

— Это не значит, что тебе не больно.

— Если я начну, не смогу остановиться.

— Тогда не останавливайся, когда будешь готов.

В тот день они покинули Вереск. Никто не пытался их задержать. На краю деревни Каэль обернулся и увидел знакомые крыши, огороды и башенку старой часовни. Всё выглядело прежним, и от этого было ещё больнее.

Дорога на Кайр шла через леса и низкие холмы. Первые два дня они почти не разговаривали. Торен шёл впереди, Мира несла аптечный мешок, Каэль держался позади и проверял, не преследует ли их кто-нибудь.

На третий день у Миры поднялась температура. Она говорила, что это пустяк, но к вечеру едва могла идти. Каэль вспомнил, как в детстве она учила его различать травы, и понял, что не помнит ни одного названия лекарства. Он разжёг костёр, нагрел воду и делал всё, что велела Мира, пока та не уснула.

— Ты должен поспать, — сказал Торен.

— Потом.

— Ты уже дважды чуть не упал.

— А ты не спал всю ночь.

— Я крепкий.

— Это не делает тебя бессмертным.

Торен сел напротив. В свете костра его лицо казалось старше.

— Знаешь, я завидовал тебе, — неожиданно сказал он.

Каэль посмотрел на него.

— Чему?

— Тому, что Гарен всегда разговаривал с тобой как с равным. Мой отец только и делал, что говорил, каким кузнецом я должен стать. А твой спрашивал, чего хочешь ты.

— Это не помогло ему выжить.

— Нет. Но он был хорошим человеком. Не позволяй тем, кто его убил, отнять у тебя и это.

На пятый день они встретили дорожных сборщиков. Те остановили телегу, проверили документы и потребовали плату за проход. У друзей денег почти не было. Торен предложил отработать, но старший сборщик заметил на шее Каэля чёрный свёрток.

— Что там?

— Личная вещь.

— Покажи.

Каэль отступил. Сборщик потянулся к нему, и Торен встал между ними.

— Не трогай.

Драки не случилось. Вмешался старый возница, назвал сборщика по имени и напомнил о недавнем приказе не задерживать путников без причины. Но Каэль понял: осколок привлекает чужие взгляды даже под тканью.

Ночью он спрятал его под рубашку, ближе к коже.

Через неделю они увидели башни Кайра. Город поднимался над рекой, словно каменный лес. В его верхних кварталах сияли магические вывески, а над крышами скользили грузовые платформы. Каэль смотрел на них с усталой надеждой.

Он думал, что в большом городе можно исчезнуть.

Он ещё не знал, что большие города лучше деревень умеют находить тех, кто им не нужен.

Первые два дня пути они почти не разговаривали. Дорога шла через поля, где крестьяне уже убрали урожай, и мимо пустых хуторов, хозяева которых ушли в город на зимние работы. Осенний ветер тянул с севера запах сырой земли. Каэль шёл впереди, потому что не хотел видеть выражение лиц друзей.

На третий день Торен остановил его у развилки.

— Здесь направо.

Каэль сверился с картой.

— Налево короче.

— Налево дорога идёт через заставу.

— На карте заставы нет.

— Потому что карту рисовали до того, как я родился.

Мира присела возле дорожного столба. На камне были свежие царапины, а на земле — следы конских копыт.

— Торен прав. Здесь прошёл отряд.

Каэль почувствовал раздражение.

— Я тоже могу смотреть под ноги.

— Можешь, — спокойно сказала Мира. — Но сейчас смотришь только вперёд.

Он хотел ответить, но промолчал. Дорога действительно была перекрыта: за поворотом виднелась деревянная заста-

ва, у которой стояли двое стражников в серых плащах. На воротах висела табличка о проверке путников. Они обошли пост по старой тропе, потеряв полдня.

К вечеру начался дождь. Друзья укрылись в заброшенном амбаре. Торен разжёг огонь в железной чаше, Мира разложила мокрые бинты, а Каэль пытался починить ремень на мешке.

— Дай сюда, — предложил Торен.

— Я справлюсь.

— Вижу. Ещё немного — и у тебя получится новый мешок из старого ремня.

Каэль отдал ему ремень. Торен работал долго и сосредоточенно, прокладывая новую строчку толстой нитью.

— Отец научил? — спросил Каэль.

— Нет. В кузнице иногда приходится чинить то, что не умеет чинить кузнец.

— Ты ведь хотел уехать из Вереска, — сказала Мира. — Ты говорил, что станешь мастером при королевском арсенале.

Торен пожал плечами.

— Хотел. Думал, сделаю оружие, которое будут показывать в залах. Теперь, наверное, буду рад, если научусь делать вещи, которые не ломаются.

— Это тоже хорошая цель.

— Только звучит скучно.

Наутро они встретили старую женщину, которая везла те-

лежку с мешками репы. Одно колесо перекосило, и телега застряла в грязи. Торен помог выровнять ось, Каэль подставил плечо, а Мира перевязала женщине руку, которую та поцарапала о гвоздь.

В благодарность старуха дала им мешок сушёных яблок и предупредила, что на северном тракте появились люди, продающие «дорожную охрану». На деле они отбирали у путников всё ценное.

— Почему вы не сообщили стражникам? — спросил Каэль.

Женщина усмехнулась.

— А ты видел на заставе стражников? Те, кто должен ловить разбойников, собирают с них пошлину. Тут каждый бережёт свой кошель.

Эти слова остались с Каэлем. Он привык думать, что Палата — далёкая сила, которая появляется только в столичных башнях. Но на дороге он увидел, как её порядок проявляется в мелочах: кто имеет право пройти, кого считают подозрительным, кому верят, а кого заставляют платить за сам факт существования.

Вечером они остановились у ручья. Мира стирала бинты, Торен строгал ветку, а Каэль пытался развести огонь без магии. Сухая трава дымилось, но не загоралась.

— Дай, — сказал Торен.

— Я почти...

— Вижу. Ещё чуть-чуть — и ты изобретёшь дымовую за-

весу.

Друзья рассмеялись. Каэль сначала хотел обидеться, но понял, что это не тот смех, к которому он привык. Здесь никто не пытался поставить его ниже. Они смеялись вместе с ним, а не над ним.

Он поднёс к траве кремень. Искра упала в сухой мох, и через несколько секунд появилось пламя. Оно было маленьким и неровным.

— Вот, — сказал Каэль. — Сработало.

— Запиши в хроники, — объявил Торен. — Великая победа над мокрой травой.

Мира улыбнулась.

— Не обесценивай. Он научился.

Каэль смотрел на огонь и думал, что, возможно, отец был прав: иногда сила заключается не в том, чтобы идти напролом, а в том, чтобы заметить течение. Только он всё ещё не знал, где находится берег.

На четвёртый день они добрались до моста через Рваную реку. Вода после дождей поднялась, билась о каменные опоры и несла ветки, обломки плотов и мёртвую рыбу. У въезда стояли трое мужчин в кожаных куртках. На груди каждого висела медная пластина с изображением колеса.

— Плата за переход, — объявил старший.

Торен посмотрел на мост.

— На столбе написано, что мост королевский.

— Был королевский. Теперь за ним присматриваем мы.

— И сколько стоит ваш присмотр?

Мужчина назвал сумму, которой хватило бы друзьям на несколько дней еды.

Каэль почувствовал, как внутри поднимается злость. Он сделал шаг вперёд, но Мира коснулась его рукава.

— Мы можем заплатить частью припасов, — предложила она.

— Припасы тоже стоят денег, — заметил старший. — Но, пожалуй, мы возьмём не только их.

Двое его спутников разошлись в стороны. Один держал короткое копьё, второй — арбалет. Каэль заметил, что у арбалетчика дрожат пальцы, а ремень оружия слишком длинный: в случае резкого движения болт может уйти выше цели.

— Мы не ищем неприятностей, — сказал Каэль.

— Тогда не создавай их.

Торен поднял мешок.

— В нём только инструменты и одежда. Хотите проверить — проверяйте. Но если заберёте всё, нам придётся искать работу здесь, а тогда мы будем вашими соседями. Не думаю, что вам понравится каждый день объяснять, почему вы держите мост без разрешения.

Старший прищурился. Он явно рассчитывал на испуг, а не на спор. В этот момент по мосту с другой стороны двигалась телега, запряжённая двумя быками. Возница увидел людей с пластинами и поспешно остановился.

Мира тихо сказала:

— Их не трое. За кустами ещё двое.

Каэль не заметил бы их, если бы она не указала взглядом на колебание ветвей.

— Вы не стража, — произнёс он. — Вы разбойники.

Старший улыбнулся.

— Слова ничего не стоят.

— Тогда отпустите нас. Мы не станем сообщать о вас, если вы пропустите телегу.

— Ты торгуешься, не имея ничего.

— У меня есть время. У вас — нет. Вода поднимается, и если мост закроют, вы останетесь на этой стороне вместе с нами. А караван через час всё равно придёт.

Это было блефом. Каэль не знал, будет ли караван. Но старший посмотрел на реку, на телегу и на друзей, оценил возможную драку и отступил.

— Идите. Но в следующий раз плата будет выше.

Они прошли, не оглядываясь. Лишь на другом берегу Торен выдохнул.

— Ты блефовал.

— Да.

— Уверенно.

— Я боялся.

Мира улыбнулась.

— Иногда это полезно. Страх заставляет думать быстрее.

Позже они узнали, что мост действительно принадлежал

короне, но королевские сборщики не появлялись там уже два года. Для жителей округа закон существовал лишь на бумаге. Каэль впервые понял: пределы были не единственным законом, который люди называли вечным, пока им было удобно.

На шестой день Мира стала отставать. Сначала она списывала слабость на недосып, затем перестала есть, а к вечеру её начало знобить. На коже под локтем появился красный след — круг с тёмной точкой посередине.

— Укус болотной твари, — определила она, когда Каэль заметил пятно.

— Когда?

— Ещё у Рваной реки. Наверное, когда мы переходили по камням.

— Почему молчала?

— Потому что не хотела останавливаться.

Торен выругался так громко, что вспугнул птиц.

— Ты лекарь или пациент? Почему не сказала сразу?

— Потому что знала, что ты начнёшь кричать.

— Я кричу, когда кто-то собирается умереть из упрямства!

Каэль поддержал Миру, пока Торен искал сухое место для стоянки. Девушка дрожала, но пыталась шутить.

— Не смотри так. Я ещё не собираюсь умирать.

— Не говори об этом.

— Ты всегда злишься, когда слышишь слово «смерть».

— Потому что слишком часто его слышу.

Ночью жар усилился. Мира бредила, называла травы, просила принести чистые инструменты и несколько раз звала отца. Каэль сидел рядом, менял холодные повязки и следил за дыханием. Он знал лишь простые знаки лечебной магии и не мог заставить свою единственную искру удержать больше одного потока.

— Попробуй ещё раз, — прошептала Мира, когда на мгновение пришла в себя.

— Ты сама говорила, что это бесполезно.

— Я говорила, что ты пытаешься лечить так, будто толкаешь дверь плечом. Слушай тело. Не заставляй ману идти туда, куда ты хочешь. Позволь ей найти путь.

Каэль осторожно положил ладонь ей на запястье. Единственная искра прошла по коже тонкой нитью. Он не мог вытянуть яд, но почувствовал, как пульс Миры сбивается, а потом немного выравнивается.

— Вот так, — едва слышно сказала она.

К рассвету Торен вернулся с охотником, который жил в полуразрушенной сторожке неподалёку. Тот принёс горький отвар из коры и травы, похожей на серый мох. Охотник объяснил, что яд болотной твари редко убивает быстро, но без лечения оставляет человека слабым на недели.

Каэль отдал ему почти все деньги, которые у них были. Торен хотел возразить, но увидел лицо друга и промолчал.

Мира провела в лихорадке ещё сутки. Когда жар спал, она

долго спала, а Каэль впервые за несколько дней вышел к ручью и просто сидел на берегу. Торен сел рядом.

— Ты не мог сделать больше, — сказал он.

— Я всегда не могу сделать больше.

— Тогда учись делать то, что можешь. А когда этого станет мало, ищи другой способ.

Каэль посмотрел на воду. Он не знал, станет ли когда-нибудь достаточно сильным, чтобы спасти близких. Но впервые понял, что его бессилие может ранить не только его самого. Оно заставляло друзей скрывать боль, чтобы не тревожить его.

Когда Мира смогла идти, они задержались у сторожки ещё на день. Охотника звали Хельм. Он жил один, собирал лекарственные коренья и продавал шкуры в ближайшем посёлке. У него было четыре кольца, но он не умел пользоваться боевой магией. Всё своё искусство он посвятил тому, чтобы находить следы и не попадаться на глаза зверям.

— Вы идёте в Кайр? — спросил он за ужином.

— Да, — ответил Торен.

— Не лучший город для тех, кто хочет затеряться. Там каждый второй считает себя важнее соседа.

— Нам нужна работа.

— Тогда идите в нижний квартал, к старому складу. Там нанимают всех, у кого есть руки и спина.

Мира поблагодарила его за лекарство. Хельм махнул ру-

кой.

— Я не делал ничего особенного. В следующий раз помогите кому-нибудь другому.

Перед уходом он показал Каэлю, как определять опасный след. Нужно было смотреть не на отпечаток лапы, а на то, что происходит вокруг: примята ли трава, разлетелись ли насекомые, есть ли царапины на коре. Зверь мог скрыть след, но редко мог скрыть последствия собственного движения.

— Это похоже на то, чему меня учил отец, — сказал Каэль.

— Хороший был человек?

— Лучший.

— Тогда не пытайся быть им. Стань собой. Мёртвые не любят, когда живые превращают их в мерку, которой невозможно соответствовать.

Слова Хельма показались Каэлю грубыми. Он хотел ответить, но не смог найти подходящих слов.

Позже, когда они шли по тропе, Мира спросила:

— Ты когда-нибудь думал, чем будешь заниматься, если перестанешь пытаться доказать, что достоин чужого уважения?

— Нет.

— А стоило бы.

— Я не знаю, что мне нравится.

— Тебе нравится помогать людям.

— Это не профессия.

— Пока нет.

Торен шёл впереди и слышал разговор.

— Мне нравится делать вещи, которые работают, — сказал он. — Даже если никто не знает, кто их сделал. Не обязательно быть героем с песнями.

Мира улыбнулась.

— А мне нравится, когда больному становится легче. Но я не хочу всю жизнь лечить простуду и порезы. Я хочу понять магию тела так, чтобы лечить то, что сейчас считают неизлечимым.

Каэль посмотрел на них.

— Вы оба знаете, чего хотите.

— Нет, — сказала Мира. — Мы знаем, в какую сторону хотим идти. Это не одно и то же.

Они продолжили путь. Впервые разговор о будущем не закончился тем, что Каэль сравнивал себя с чужими достижениями. Он просто слушал и представлял, что однажды у него тоже появится вопрос, на который захочется искать ответ.

Часть II. Город чужих возможностей
Глава 5. Город чужих возможностей

Кайр встретил их гулом колёс, криками торговцев и запахом мокрого камня. На главных улицах ходили люди в дорогих плащах, над мостовой скользили тележки с рунических двигателями, а у входа в магическую академию ученики упражнялись в воздухе: вода вращалась вокруг их ладоней, огненные птицы садились на перила, каменные пластины поднимались и опускались по команде.

Каэль задержал взгляд на академии. Он помнил, как в семь лет представлял себе такую башню и думал, что однажды будет учиться там. Теперь он смотрел на неё, как на чужой дом, в который его никогда не пригласят.

— Не пялься, — тихо сказал Торен. — У них от этого самооценка растёт.

Мира улыбнулась, но быстро вернулась к делам. Им нужно было найти жильё и работу. Деньги, оставшиеся после дороги, могли прокормить троих не больше недели.

В дешёвом постоялом дворе хозяин потребовал плату вперёд. Когда узнал, что у Каэля один предел, отказал, со-

славшись на правила безопасности: мол, слабый маг может стать обузой, если в доме начнётся пожар. Торен предложил заплатить больше, но хозяин только рассмеялся.

— Не тратьте деньги. С таким пределом ваш приятель скоро окажется в долговой яме.

На рынке им повезло меньше. Карманник вытащил кошель Миры, пока она покупала хлеб. Торен бросился следом, Каэль попытался перегородить проход, но вор успел нырнуть между телегами. К вечеру они нашли дешёвую комнату над прачечной и работу на складе: переносить ящики, сортировать мешки и мыть полы.

Платили мало, но работа была честной.

Первую неделю Каэль приходил домой с натёртыми ладонями и плечами, которые ныли даже во сне. Торен помогал кузнецу в соседнем квартале и приносил домой запах угля. Мира нашла место помощницы в аптеке: за столом ей позволяли сушить травы и готовить простые настои.

Каждый вечер они ужинали втроём. Иногда смеялись над мелочами. Иногда молчали. Но впервые после гибели Гарена тишина не казалась Каэлю пустой.

Однажды хозяин склада попросил Каэля отнести ящик в нижний подвал. На лестнице тот поскользнулся, и тяжёлая поклажа ударилась о стену. Из щели выпал небольшой металлический цилиндр. Каэль поднял его и заметил на торце знак расколотого круга.

Он успел спрятать находку, прежде чем пришёл управля-

ющий.

Вечером Каэль достал цилиндр при друзьях. Торен долго рассматривал гравировку.

— Похож на старую печать, — сказал он. — В кузнице такие вещи иногда находят в металлоломе. Обычно их переплавляют.

Мира заметила тонкую линию на боковой поверхности.

— Тут что-то написано.

Она провела ногтем по насечке и прочла вслух:

— «Первый круг не ограничивает. Он удерживает».

Каэль почувствовал холод под рубашкой. Осколок на его груди отозвался едва заметным теплом.

— Нам нужно отнести это кому-нибудь, — сказала Мира.

— Кому? — спросил Торен. — В Палату?

— Нет.

Они одновременно повернулись к Каэлю.

— Отец знал об этом, — произнёс он. — И не хотел, чтобы кто-то нашёл осколок.

В дверь постучали. На пороге стоял высокий старик в серой куртке. Он держал трость, но опирался на неё скорее по привычке, чем из необходимости.

— Я слышал, у вас есть вещь, которую не следует показывать на свету, — сказал он.

— А вы кто? — спросил Торен.

— Бран. Человек, который ещё не разучился узнавать неприятности.

Кайр был первым городом, который Каэль увидел не издалека, а изнутри. Вереск казался маленьким даже в лучшие дни, но здесь улицы уходили вверх по холмам, мосты соединяли кварталы над каналами, а башни магической академии заслоняли половину неба. Ворота были семью, и у каждых стояли стражники с разными знаками. Через главные пропускали торговые обозы, через западные — ремесленников, через северные — паломников. На нижних воротах висела табличка: «Проверка предела обязательна».

— Нам туда не надо, — сказал Торен, заметив, как Каэль смотрит на табличку.

— Я просто читаю.

— Ты читаешь так, будто надеешься, что слова изменятся.

Мира придержала мешок на плече.

— Давайте сначала найдём ночлег. Потом будем думать об остальном.

Они вошли через ремесленные ворота. Стражник попросил назвать пределы и цель визита. Мира показала три кольца, Торен — два. Когда очередь дошла до Каэля, он ответил без выражения:

— Одно.

Стражник не засмеялся. Он просто посмотрел на него внимательнее и протянул серую бирку.

— Нижний квартал. Работы ищите на складе у Восточного канала. Не пытайтесь записываться в магические мастер-

ские без рекомендации.

Каэль спрятал бирку в карман. Это было не оскорбление, а правило. От этого оно не становилось легче.

На главной улице им встретились двое учеников академии. Один нёс над головой три маленьких огненных шара, другой управлял водяной лентой, которая обвивалась вокруг его запястья. Каэль остановился. Он помнил, как пытался создать такой шар у себя дома, как искра в ладони угасала прежде, чем успевала согреть воздух.

— Не отставай, — позвала Мира.

— Я смотрю.

— Смотри на ходу.

В нижнем квартале улицы стали уже, дома — ниже, а окна — темнее. Здесь пахло рыбой, углём и мокрой шерстью. Люди не спешили уступать дорогу, торговцы ругались из-за места, дети гоняли по канавам деревянные кораблики. Кайр не был злым городом. Он просто не замечал тех, кто не мог предложить ему ничего полезного.

На складе им отказали дважды. Первый управляющий не нанимал несовершеннолетних, второй не хотел связываться с людьми без местных поручителей. Третий, толстый мужчина по имени Грав, согласился взять всех троих на испытательный срок.

— Платить буду за сделанную работу, — сообщил он. — Никаких жалоб на тяжесть и влажность. Склад стоит у канала, здесь сырость. Кто заболеет, того сменит следующий.

— Мы согласны, — ответил Торен.

— А ты? — Грав посмотрел на Каэля. — Одно кольцо. Тяжести поднимать сможешь?

— Смогу.

— Все так говорят.

Первый день прошёл под звуки телег и ругань грузчиков. Каэль переносил ящики с железными скобами, убирал испорченную паклю и учился различать маркировки на коробах. Мира сортировала сухие травы для аптекарского заказа. Торен быстро разобрался с механизмом подъёмника, который заедал каждый третий подъём.

К вечеру Грав пересчитал работу и выдал им столько монет, что хватило бы на два дня еды и койки в общей комнате. Это было немного, но впервые после Вереска у них появился способ добывать хлеб не бегством и случайной удачей.

Ночью Каэль лежал на верхней койке и слушал, как по крыше стучит дождь. Он не видел звёзд, не слышал леса и не чувствовал запаха отцовской мастерской. Но под ним тихо спорили Торен и Мира, а на соседней кровати кто-то храпел. Жизнь продолжалась даже там, где она казалась чужой.

Комната над трактиром «Три крюка» была рассчитана на шесть человек, но обычно в ней спали девять. Пахло мокрыми сапогами, кислым пивом и дешёвым мылом. Хозяин позволял оставлять вещи под кроватью только тем, кто платил вперёд. Поэтому Каэль привязал мешок к ножке койки,

а Торен спал в одежде, положив ботинки под голову.

— Я видел камеры для инструментов просторнее, — заметил он.

— Зато тут крыша не течёт, — ответила Мира.

— Пока.

Их соседом оказался старый переписчик по имени Освин. У него было три кольца, но после болезни он потерял способность удерживать сложные заклинания. Теперь он зарабатывал тем, что переписывал договоры и объявления. Освин часто кашлял и раздражался, когда кто-нибудь шумел.

— Вы из провинции? — спросил он, увидев их дорожные сумки.

— Из Вереска, — ответил Каэль.

— Никогда не слышал.

— Это небольшая деревня.

— Все деревни небольшие, пока их не сожгут, — неожиданно произнёс Освин.

Каэль замер. Старик заметил его взгляд и махнул рукой.

— Не смотри так. Я не пророк. Просто последние месяцы в городе много людей, которые спрашивают про северные поселения. Палата редко интересуется мелкими деревнями без причины.

— Вы знаете Палату?

— Я переписывал для них документы, пока не стал слишком медленным. В их архивах порядок такой, что от одной мысли о нём хочется спать. Но люди там не одинаковые. Од-

ни верят в закон, другие — в выгоду, третьи боятся начальства сильнее, чем преступников.

— А магистр Севран? — спросил Каэль.

Освин поднял глаза.

— Откуда ты знаешь это имя?

— Слышал.

Старик закрыл книгу.

— Тогда не произноси его в общественных местах.

Следующие дни были тяжёлыми. Грав задерживал часть платы, объясняя это потерями при перевозке. Торен спорил, но не мог доказать, что недостача возникла не по их вине. Мира нашла работу в лавке травника, однако хозяин предложил ей меньше половины обычного, узнав, что она не имеет городского свидетельства.

— Мы должны найти комнату получше, — сказала она вечером.

— Для этого нужны деньги, — ответил Торен.

— Я знаю.

— Тогда сначала накопим.

— Ты всё время говоришь «сначала накопим». А если завтра Грав решит, что мы ему больше не нужны?

— Тогда найдём другое место.

— Ты слишком легко это говоришь.

Торен посмотрел на неё.

— Я не легко говорю. Я просто не хочу, чтобы страх решал за нас.

Каэль слушал их и чувствовал вину. Он был причиной, по которой друзья покинули дом. Теперь они теряли возможности, которые могли бы получить каждый по отдельности. Мира могла бы продолжить обучение у лекарей. Торен — остаться в кузнице отца и стать мастером. Вместо этого они делили койку и считали каждую монету.

— Вам не обязательно оставаться со мной, — сказал он.

Мира медленно повернулась.

— Мы уже говорили об этом.

— Но теперь у вас есть шанс устроиться лучше.

— У меня есть шанс, — ответила она. — И я решу, как им воспользоваться. Не решай за меня.

Торен сел на край кровати.

— Я хочу стать мастером, Каэль. Но не таким, который делает мечи для тех, кто и так умеет убивать. Я хочу создавать вещи, которые помогают людям жить. Сейчас мне кажется, что здесь я узнаю об этом больше, чем в Вереске.

— А ты, Мира?

— Я хочу учиться. И я буду. Но если я уйду прямо сейчас, то оставлю вас обоих в городе, который вас съест. Я не собираюсь делать вид, что это благородное решение.

Каэль опустил глаза. Впервые он понял, что дружба не означает отсутствие жертв. Иногда она означает, что человек сам выбирает, чем готов пожертвовать, и просит не отнимать у него это право.

На десятый день в Кайре Мира познакомилась с аптекаршей по имени Нара. Её лавка стояла в узком переулке, где солнечный свет появлялся лишь на короткое время после полудня. Полки были заставлены банками с корнями, порошками и настойками; над дверью висел синий флакон, означавший, что здесь принимают учеников.

Мира вошла с рекомендательным письмом от отца. Нара прочитала его дважды, потом посмотрела на девушку.

— Три кольца. Для лекаря достаточно.

— Я хочу учиться диагностике и магии восстановления.

— Это долгий путь.

— Я готова.

— Все готовы, пока не узнают цену.

Нара предложила ей простую проверку: определить состав трёх настоев без помощи магии. Мира справилась с двумя, а третий перепутала с похожей смесью, от которой у пациента могло усилиться кровотечение.

— У тебя хорошие руки, — сказала аптекарша. — Но ты спешишь. Ты хочешь лечить быстрее, чем понимаешь, что именно лечишь.

— Я исправлю ошибку.

— Конечно. Но не у меня. У меня нет времени учить каждого, кто приходит с письмом.

Мира вышла из лавки, сжимая рекомендацию. Она не заплакала, но когда Каэль спросил, как прошла встреча, ответила слишком резко:

— Никак.

Вечером Нара нашла её у канала. Аптекарша принесла тот самый третий настой.

— Я не беру ученицу, — сказала она. — Но могу дать тебе работу на три часа в день. Сортировать коренья, мыть посуду, вести журнал. Будешь смотреть и задавать вопросы, когда закончишь работу.

Мира удивлённо посмотрела на неё.

— Почему вы передумали?

— Не передумала. Я увидела, что ты не стала обвинять меня в несправедливости и не бросила флакон на пол. Ошибка — не приговор. Но если ты собираешься лечить людей, научись сначала признавать её.

Мира приняла предложение. Работа была тяжёлой, платили мало, но это был первый шаг к её мечте. Она не рассказала друзьям, насколько сильно боялась, что её предел однажды окажется таким же потолком, каким для Каэля стал его единственный круг.

Когда поздно вечером она вернулась в комнату, Торен уже спал. Каэль чинил деревянную застёжку на её сумке.

— Я думал, тебе пригодится, — сказал он.

Мира провела пальцем по ровному шву.

— Спасибо.

— Ты получила работу?

— Да. Не совсем ту, которую хотела. Но это начало.

— Тогда поздравляю.

Она села рядом.

— Знаешь, чему я сегодня научилась? Можно быть достаточно сильной, чтобы помогать, и всё равно недостаточно опытной, чтобы не навредить. Это страшнее, чем кажется.

— И что ты будешь делать?

— Учиться не путать уверенность с умением.

Каэль посмотрел на неё.

— Я тоже.

Мира улыбнулась.

— Тогда завтра начнём заново.

Грав задержал плату на третий раз в конце дождливой недели. Он собрал работников возле конторы и сообщил, что один из обозов потерял часть груза, поэтому всем придётся подождать. Люди ворчали, но никто не спорил: многие жили от выплаты до выплаты и не могли позволить себе потерять место.

Торен шагнул вперёд.

— Мы разгружали обозы, которые числятся в журнале. Подписи есть. Потери случились после того, как ящик приняли на хранение.

Грав посмотрел на него с раздражением.

— Ты хочешь учить меня вести склад?

— Я хочу получить заработанное.

— Ты получил работу. Это уже больше, чем у многих.

— Работу мы сделали. Платите.

Грав поднял ладонь, и на его пальцах вспыхнули два тусклых кольца. Он был не сильным магом, но умел усилить хватку и сделать удар болезненным. Торен не отступил. Каэль видел, как у друга напряглись плечи, и понял, что тот готов сорваться.

— Не надо, — тихо сказал Каэль.

— Он нас обманывает.

— Знаю.

— Тогда почему молчать?

— Потому что он ждёт, что ты ударишь первым.

Грав услышал последние слова.

— А ты, однокольцевый, решил стать советником? — Он повернулся к Каэлю. — Твой отец, кажется, был человеком достойным. Жаль, что от него тебе досталась только привычка вмешиваться не в своё дело.

Каэль почувствовал, как кровь ударила в виски. Он хотел ответить, но на этот раз не стал. Вместо этого достал из кармана листок с копией складского журнала. Мира переписывала записи вечером, заметив, что некоторые строки были исправлены чужой рукой. На полях стояли даты и подписи грузчиков.

— Здесь указано, что мы приняли двадцать семь ящиков, — сказал Каэль. — Здесь — что вы списали двенадцать как повреждённые. Но никто не видел повреждений, кроме вашего кладовщика. А вот подпись получателя, который забрал их на следующий день.

Грав побледнел. Он не ожидал, что кто-то из временных рабочих умеет читать бухгалтерские записи.

— Ты украл документы?

— Они лежали на общей полке. Я сделал копию.

— Это частная собственность.

— Тогда пусть судья разберётся.

Рабочие зашептались. Один старик подтвердил, что видел целые ящики. Другой сказал, что грузовик с ними ушёл к северным воротам. Грав понял, что потерял контроль над разговором. Он пообещал выплатить часть денег сразу, а остаток — утром.

— Не верьте ему, — сказала Мира, когда они вышли со склада. — Он попытается нас уволить.

— Пусть, — ответил Торен. — Я не хочу работать на человека, который ворует у тех, кому и так нечего терять.

Утром их действительно уволили. Грав заплатил только половину долга и пригрозил обвинить их в краже. Каэль ожидал, что Торен будет злиться, но тот выглядел скорее облегчённым.

— Я не хочу всю жизнь бояться потерять работу, — сказал он. — Даже если работа плохая.

Они снова остались почти без денег. Мира предложила переехать в приют для приезжих, но там требовали документы. Каэль решил искать подённую работу на рынке. Там он и встретил человека, который изменит его представление о слабости.

Глава 6. Старый клинок

Бран жил в комнате над мастерской сапожника. В ней пахло кожей, лекарственными мазями и старым железом. На стене висел единственный меч — длинный, без украшений, с тёмной рукоятью. Левый рукав старика был пуст и аккуратно завязан у плеча.

— Садитесь, — сказал он. — И не трогайте ничего, что блестит. Тут всё либо острое, либо ядовитое.

Торен сел на край стула. Мира осталась у двери. Каэль положил на стол металлический цилиндр, но осколок не вынул.

Бран посмотрел на знак и потер переносицу.

— Давно не видел.

— Вы знаете, что это? — спросил Каэль.

— Знаю достаточно, чтобы не желать знать больше.

— Тогда расскажите.

— Не сейчас. Сначала скажи, кто твой отец.

— Гарен.

Старик замер. Его взгляд задержался на лице Каэля, будто он сравнивал его с кем-то из прошлого.

— Он всё-таки успел спрятать тебя.

— Вы его знали?

— Мы служили в одной роте. Потом он ушёл, а я потерял руку. У каждого своя удача.

Бран попросил показать осколок. Когда Каэль развернул

ткань, в комнате на миг стало холоднее. Серебряные линии на чёрном стекле засветились, а цилиндр тихо звякнул.

— Не касайтесь их одновременно, — резко сказал старик.

Он накрыл вещи тканью и отодвинул.

— Этот осколок — часть устройства, которое называли Сердцем Лестницы. Не знаю, как оно работает. Знаю только, что Палата уничтожила тех, кто пытался его собрать.

— Почему?

— Потому что любое изменение закона силы угрожает тем, кто сидит на вершине.

Мира нахмурилась.

— Вы говорите о власти?

— О власти, страхе и ответственности. Иногда одно невозможно отличить от другого.

Бран посмотрел на Каэля.

— Твой отец был не просто солдатом. Он был исследователем предела. И он знал, что однажды за ним придут.

Каэль почувствовал, как внутри поднимается злость.

— Почему никто не сказал мне раньше?

— Потому что твой отец хотел, чтобы ты вырос обычным человеком.

— Я не обычный. Я однокольцевый.

— Это не одно и то же.

Старик поднялся, подошёл к стене и снял меч. Он двигался медленно, но в каждом движении чувствовалась привычка к оружию.

— Хочешь, чтобы я научил тебя драться?

— Вы уже знаете, что я слаб.

— Знаю. И знаю, что ты путаешь силу с результатом удара.

Он поставил перед Каэлем два деревянных клинка.

— Нападай.

Каэль взял один и шагнул вперёд. Бран не уклонился и не выставил блок. Он просто сместил корпус на полшага. Меч Каэля прошёл мимо. Старик коснулся его локтя, и юноша оказался на полу.

— Ещё.

Вторая попытка закончилась тем же. Третья — тоже.

— Вы даже не защищаетесь! — выдохнул Каэль.

— Защита — это не стена. Это умение не оказаться там, куда ударят.

Бран показал ему, как переносить вес, следить за плечами противника, не раскрывать корпус и экономить движение. Каэль быстро устал, но старик не позволил ему остановиться, пока тот не повторил связку десять раз без грубой ошибки.

— Завтра придёшь снова, — сказал Бран. — Будешь подметать мастерскую и носить воду. За уроки платят не только монетой.

— Я согласен.

— Не спеши. Я ещё не сказал, что буду добрым учителем.

Торен усмехнулся.

— Он и так не избалован.

Бран посмотрел на него одним глазом.

— Тогда тебе тоже найдётся работа. Если научишься молчать хотя бы пять минут.

Когда друзья ушли, Каэль впервые за долгое время чувствовал не беспомощность, а усталость от настоящей работы. Это было почти облегчением.

Старик сидел у стены мастерской и чинил ножны. У него был короткий седой ёжик волос, лицо в глубоких складках и один пустой рукав, аккуратно завязанный у плеча. Рядом лежал длинный меч без украшений. Каэль заметил, что прохожие обходят старика стороной, словно боялись задеть не человека, а неприятное воспоминание.

— Подай ремень, — сказал старик, не поднимая головы.

Каэль оглянулся. За ним никого не было.

— Мне?

— Если бы я хотел обратиться к стене, я бы попросил стену.

Каэль протянул кожаную полоску. Старик осмотрел её, провёл пальцем по шву и вернул.

— Ты с рынка?

— Ищу работу.

— По походке видно. Те, кто работает, смотрят под ноги, чтобы не наступить на товар. Те, кто ищет, смотрят на двери, будто надеются, что какая-нибудь сама откроется.

— Вы нанимаете?

— Нет.

— Тогда зачем спросили?

Старик усмехнулся.

— Проверял, умеешь ли ты отвечать без лишнего поклона. Как тебя зовут?

— Каэль.

— Предел?

Каэль нахмурился.

— Один.

— И что умеешь?

— Держать меч.

— Покажи.

Старик бросил ему деревянный тренировочный клинок. Каэль поймал его обеими руками.

— У тебя привычка смотреть на оружие, — сказал незнакомец. — Поэтому ты пропустишь удар. Смотри на плечи, на бёдра, на дыхание. Оружие только продолжает движение человека.

— Вы воин?

— Был.

— Почему перестали?

— Потерял руку.

— В бою?

— Нет. Уронил на неё неосторожного ученика. Он был сильнее меня и считал, что сила заменяет осторожность.

Каэль не понял, шутит ли старик. Тот поднялся, взял меч здоровой рукой и встал напротив.

— Нападай.

Каэль ударил осторожно. Старик не стал блокировать. Он просто сместился на полшага, и деревянный меч прошёл мимо. Следующий выпад встретил короткий удар рукоятью по запястью. Клинок выпал.

— Ещё раз.

Каэль поднял оружие и атаковал быстрее. Старик отступил, повернул корпус, подставил плечо под движение и толкнул его локтем. Каэль оказался на колене.

— У тебя нет равновесия. Ты думаешь, что должен победить до того, как противник успеет показать свою силу. Это делает тебя предсказуемым.

— Я слабее.

— Ты говоришь это так, будто открыл тайну. Слабее — значит, надо выбирать место и время. Сильный может позволить себе ошибку. Ты — нет.

Каэль поднялся. Старик посмотрел на его руки, на мозоли и старые порезы.

— Сколько тренируешься?

— Почти каждый день.

— Кто учил?

— Никто. Немного отец, немного школьный мастер.

— Понятно. Тогда тебе нужно не больше ударов, а меньше лишних движений.

Старика звали Бран. Он жил над мастерской сапожника и иногда подрабатывал сторожем. Когда Каэль рассказал о

друзьях, Бран согласился поговорить с ними, но предупредил, что бесплатных уроков не будет.

— Я не прошу денег, — сказал он. — Я прошу времени. У меня в комнате протекает крыша, а в кладовой накопилась работа. Если хочешь, чтобы я учил тебя, сначала покажи, что умеешь быть полезным без меча.

Каэль согласился. Он не знал, почему старик заинтересовался им. Возможно, просто увидел в нём удобного помощника. Но впервые за долгое время кто-то предложил ему работу, не спрашивая, сколько колец горит внутри.

К Брану они пришли на следующее утро. Старик открыл дверь, едва они постучали, и сразу указал на ведро, щётку и лестницу.

— Сначала крыша. Потом пол. Если останется время, покажу, где храню дрова.

Торен оглядел комнату.

— Вы всегда так встречаете гостей?

— Только тех, кто хочет чему-то научиться. Гости получают чай.

Мира улыбнулась, но Каэль уже взял ведро. Он не хотел терять шанс из-за чужих шуток.

Работа заняла почти весь день. Крыша была сложена из старой дранки, часть которой сгнила. Каэль поднялся наверх, но несколько раз едва не соскользнул. Бран не помогал, только кричал снизу, куда ставить ногу.

— Не смотри на дыру! — говорил он. — Смотри на доску, которая выдержит.

— Если я упаду?

— Тогда завтра будешь чинить крышу с земли.

— Это не очень обнадёживает.

— Я не занимаюсь обнадёживанием.

К вечеру крыша перестала протекать. Бран поставил на стол миску горячей похлёбки, хлеб и кружки с чаем. Торен съел свою порцию быстро, Мира внимательно рассматривала полки с лекарствами.

— Вы сами готовите? — спросила она.

— Если бы я ждал, пока кто-нибудь приготовит мне ужин, давно бы умер от голода.

— Вы лечитесь травами?

— Иногда. Но у тебя, судя по рукам, больше опыта.

Мира не стала хвастаться. Она рассказала о работе у Нары и о том, что пока ей разрешают только сортировать сырьё. Бран выслушал и сказал:

— Хорошо. Учись у человека, который не боится показать тебе ошибку. Плохой наставник скрывает знания, чтобы оставаться нужным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.